
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН, А. Л. ГРИНИН

НОВАЯ ВОЛНА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СМЕЖНЫЕ МИР-СИСТЕМНЫЕ ЗОНЫ*

В статье рассматриваются революционные события в афразийской макроне нестабильности в 2018–2021 гг. в их связи с предшествующей волной революционных событий, «арабской весной», эхо которой в зоне Сахеля было слышно еще в 2016–2019 гг., а где-то отзывается и по сегодняшний день. Показывается связь новейших событий на Ближнем Востоке и в Африке с общемировой волной революционных событий, начавшейся в 2018 г. Влияние новых событий на смежные с афразийской мир-системные зоны и Мир-Систему в целом исследуются в связи с предшествующей волной и в сравнении с ее влиянием. Показывается, что события последних лет в афразийской макроне нестабильности продолжают процесс реконфигурации Мир-Системы в рамках трансформации мирового порядка. Следует отметить несколько аспектов влияния этих революционных событий на Мир-Систему и ее части. Во-первых, они ослабляют центр Мир-Системы, в частности особенно сильно на позиции США и их союзников повлияла победа талибов в Афганистане. Во-вторых, Ближний и Средний Восток оказывается все более предоставленным самому себе в связи с планируемым и вынужденным уходом оттуда Соединенных Штатов, поисками новых векторов во внешней политике, а революционные события этому способствуют. В-третьих, продолжает оставаться весьма заметным радикальное исламистское влияние в связи как с побе-

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

дой талибов, так и с дальнейшей экспансией уцелевших революционеров-террористов Исламского государства в страны Сахеля и далее в другие африканские государства. Фактически надо говорить о том, что на Юге с африканской макрозоной нестабильности граничит особая зона нестабильности, которую можно назвать африканской. Последняя расширяется вместе с активизацией радикализма и может существенно расшириться в будущем за счет пока еще не затронутых ею стран Африки. В-четвертых, рост опасности исламского революционного террористического радикализма ставит задачу укрепления государственности в странах Тропической Африки (которая кое-где начинает решаться), а также требует более активной и массовой помощи со стороны развитых стран.

Ключевые слова: Мир-Система, революционный процесс, революция, африканская макрозона нестабильности, Макросахель, Ближний Восток, Великая дивергенция, исламский радикализм.

Введение

В своем анализе темы мы исходим из того, что революционный процесс никогда не происходит изолированно. Он всегда есть, с одной стороны, часть более широкого турбулентного процесса, иногда занимая в нем центральное, а иногда периферийное место. Кроме того, вместе с новой волной революционных процессов могут продолжаться (как в нашем случае) процессы прежних революционных событий, которые сливаются с новыми и влияют на них. При этом революционный процесс, особенно революционные волны, обычно требует каких-то серьезных мир-системных импульсов (вроде экономического кризиса, повышения цен на продовольствие и т. п.), которые сами по себе есть часть дестабилизационного процесса. Таким образом, с одной стороны, революционный процесс влияет на процессы в Мир-Системе (что и является аспектом нашей темы), но с другой стороны, он есть порождение мир-системных процессов и их часть. Вот почему особенности революционных процессов определенных периодов надо искать не только в историко-культурных особенностях обществ, но и в общих чертах мир-системного момента и актуального процесса.

В современной Мир-Системе можно выделить целый ряд крупных зон нестабильности. Четыре из них составляют африканскую макрозону нестабильности (см. подробнее: Коротаев и др. 2015; Коротаев, Гринин и др. 2021). Эта макрозона, в частности, включа-

ет Ближний Восток (с Закавказьем), Северную Африку, зону Центральной Азии (включая Пакистан), а также Макросахель.

О волнах революционных событий XXI столетия и революционном процессе в афразийской макроне нестабильности

На основе сформулированных нами критериев и нового подхода к выделению волн революций мы выделили три волны революционных событий в XXI столетии¹.

Первая волна – «цветные» революции 2000–2009 гг. Вторая – «арабская весна» и ее глобальное эхо, 2010/2011–2013 гг. Третья волна – с 2018 г. по настоящее время – незавершенная. Все волны были связаны с очень крупными мир-системными событиями. При этом первая из них прошла на позитивном экономическом и политическом фоне, вторая – на негативном экономическом, а третья – на негативном экономическом и внешнеполитическом фоне. Все три волны были связаны с более или менее сильным внешним влиянием, в котором можно выделить три основных направления. Первое – попытки демократизации через различные структуры, контролируемые западными странами. Это было особенно заметно в первую волну, но прослеживается также во второй и третьей. Второе – геополитическая борьба, в которой участвовали как западные, так и ближневосточные страны (объекты воздействия: Ливия, Сирия, Йемен, Мали). Это проявилось в основном во время второй волны. Третье – экспорт исламистско-террористической революции из регионов Сирии и Ирака (прежде всего в страны Тропической Африки, но также в ряд государств Ближнего и Среднего Востока, таких как Афганистан и Ливия). Это проявилось во время второй волны и продолжается в третьей.

Между второй и третьей волнами в течение пяти лет (2013–2017 гг.) в мире также наблюдается достаточная революционная активность, но без явных волн. Однако сразу же стоит отметить, что в зоне Сахеля и некоторых странах Ближнего Востока в это время продолжалась еще вторая волна. И возникла линия исла-

¹ Этот подход включает следующие критерии: 1) реальную связанность событий в рамках Мир-Системы общими факторами; 2) количество революций не должно быть меньше четырех-пяти; 3) временной интервал революционных событий – не более 10 лет между началом первого и началом последнего события; 4) в один хронологический период может иметь место одна волна (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020; Goldstone *et al.* 2022; Grinin L., Grinin A. 2022).

мистских революций и восстаний 2013–2016 гг. (ИГИЛ, «Боко Харам»² в Нигерии, восстание радикальных исламистов АКАП в Йемене и т. д. [см., например: Korotayev *et al.* 2021; Filin *et al.* 2021; Гринин 2020г; 2020д]).

Остановимся на указанных волнах революций. Первая волна начинается в последний год XX в. – 2000 – с революции 2000–2001 гг. на Филиппинах и «бульдозерной революции» в Сербии/Югославии. Волна включает в себя революции и революционные события в Грузии, на Мальдивах и Украине, в Ливане, Киргизии, Мьянме, Иране, Молдове. Реже к ним добавляют события в Африке, но для нашей темы важно учитывать революционные события к югу от Сахары в 2000-х гг. В частности, это Сенегал (2000 г.), Мадагаскар (2001–2002 гг.), Того (2005 г.), Гвинея (2007–2010 гг.) и т. д.

Основные особенности этой волны заключались в следующем: 1) революции не совпадали по времени, не пересекались (как в предыдущей и следующей волнах), а, как правило, последовательно шли одна за другой с некоторым опозданием, что больше похоже на эстафету, цепь с одним-двумя событиями в год; 2) в то же время между этими революциями существует четкая связь в отношении: а) мир-системных причин (см. выше); б) внешних сил и организаций, которые обеспечивали руководство, обучение и помощь революционерам; в) их целей; г) их методов революционного действия; 3) благодаря отличной организации, слабому сопротивлению государства и поддержке Запада эти революции в основном победили.

Вторая волна: «арабская весна» и ее эхо, 2010/2011–2013 гг. В отличие от предыдущей волны, в конце 2000-х гг. мировая экономика находилась в кризисе; при этом имел место небывалый рост цен на продовольствие (агфляция), сыгравший особую роль триггера революционных событий на Ближнем Востоке. Для нашей темы особенно важно, что центр революционной активности находился в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, но при этом революционная волна охватила многие страны за его пределами. Она включала также ряд революционных событий в других частях мира, в том числе революционные движения без революций в передовых западных странах (Occupy Wall Street, Indignados и т. д.).

² Деятельность данных террористических организаций запрещена на территории РФ.

Основными чертами этой волны были: 1) быстрое распространение революций из страны в страну; 2) сильное культурное и языковое единство центрального региона волны и особая роль религиозно-этноконфессионального фактора; 3) особая роль образованной молодежи.

Важным событием на Ближнем Востоке стало возникновение «Исламского государства» в северных районах Сирии и Ирака, влияние которого стало распространяться далеко за пределы этого региона. В результате разгрома ИГ революционеры-террористы из него мигрировали в страны Африки, где нашли благодатную почву в лице местного исламского населения, особенно молодежи. Это создало революционно-террористическую дестабилизацию в целом ряде районов стран Сахеля и Восточной Африки (см.: Гринин 2020d). Как уже сказано, в этих регионах вторая волна практически слилась с третьей. В настоящий момент фактически создана глобальная революционно-террористическая сеть радикалов, присягнувших ИГ.

Третья волна (2018 г. – настоящее время) включает революции, революционные эпизоды и революционные движения без революций в Армении (2018 г.), Судане (2018–2019 гг.), Боливии (2019 г.), Алжире (2019 г.), Гонконге (2019–2020 г.), Чили (2019 г.), Киргизии (2020 г.), Ираке (2019 г.), Ливане (2019 г.), Иране (2019 г.), Индии (Джамму и Кашмир, 2019), Непале (2020), США (штурм Капитолия в 2021 г.), Франции («желтые жилеты», 2018–2020 гг.), Белоруссии (2020–2021 гг.), Мьянме (2021 г.), Сомали (2020–2021 гг.), Эфиопии (Тыграй, 2020–2021 гг.), Мали, Гаити, Колумбии, Палестине, Чаде (2021 г.), Казахстане и Канаде (2022 г.).

Таким образом, из третьей волны к событиям в афразийской макроне нестабильности относятся: революции в Судане, Алжире, Мали, Сомали, Эфиопии (неудавшаяся), Киргизии; революционные движения без революции в Ливане, Ираке; революционные эпизоды в Иране, Палестине, Чаде; а также протесты в Марокко, Тунисе, Египте, Иордании, Нигере (квазиреволюционный эпизод)³.

На мир-системном уровне эта волна была связана с новым ухудшением ситуации в мировой экономике наряду с большей концентрацией богатства и большим неравенством, что во многих случаях приводило к снижению уровня жизни, росту цен и другим

³ К этому надо добавить продолжающуюся смуту в Ливии, гражданскую войну в Сирии, Йемене, Афганистане.

явлениям, которые связывают эту волну с предыдущей. В 2020 г. добавляется COVID, что значительно ухудшает экономическую и социальную ситуацию (в частности, пандемия сыграла свою роль в революциях в Киргизии и Мали).

В 2021–2022 гг. возникла новая угроза – дефицит продовольствия и рост цен на него. Появилась она как результат пандемии, но стала особенно острой из-за резкого роста цен на энергоносители и топливо (в частности, газ и нефть). Рост цен на минеральные удобрения и ограничения на их экспорт, а также на экспорт зерна, стихийные бедствия в ряде стран, в частности в Китае (неурожай озимых зерновых), Марокко и части европейских стран (засуха), а также неблагоприятные погодные условия в некоторых других государствах грозят ухудшением продовольственной безопасности ряду стран Азии и Африки. Кроме того, военные действия на Украине и лавина санкций против России угрожают мировому рынку зерна и продовольствия. Таким образом, логично предположить, что угроза новой агфляции вполне реальна. И это может стать спусковым крючком для революционных событий в ряде стран, как произошло во время «арабской весны».

Для данной волны характерны следующие особенности: 1) широкий спектр революционных событий; 2) разнообразие причин революций на общей базе, связанной с ухудшением не только в экономическом, но и во внешнеполитическом и международном плане; 4) соответственно, рост таких форм революционных событий, как революционные движения без революций.

Таким образом, новая группа революционных событий в африканской макроне нестабильности есть часть третьей революционной волны XXI столетия, которая началась в 2018 г. и продолжается в настоящее время.

Соответственно, основные черты третьей волны, указанные выше, в той или иной степени проявляются в событиях и на Ближнем Востоке, и в Макросахеле.

В этой связи можно выделить две четкие линии революционного процесса последних лет. Первая – секуляристская, которая в целом идет в унисон с мировой линией: недовольство правительствами, антиклерикальные выступления, общее желание перемен, требование демократизации, социальной политики и т. п.; в то же время не всегда проявляется явное стремление свергнуть режимы (здесь характерен пример Ливана). Вторая линия – исламистская радикальная, террористическая, особенно в странах Африки, где

террористическая деятельность приобретает характер революционно-партизанской борьбы.

Исламистская линия, разумеется, характеризует особенность причин некоторых революций в афразийской макроне в последние годы по сравнению с общими причинами третьей волны революций. Кроме того, особыми причинами для революционных событий в афразийской макроне являются нерешенность проблем, которые вызвали «арабскую весну» (это касается Египта, Ирака, в известной мере Ливана, Палестины), попадание в революционные ловушки некоторых стран (например, Киргизии), продолжающийся процесс увеличения зрелости государств (примеры – Судан, Алжир или Мали, о последней см.: Коротаяев и др. 2021), а также изменение геополитической ситуации.

О революции и реконфигурации Мир-Системы

Начиная с 2009 г. мы исследовали процессы изменения Мир-Системы в связи с начавшейся «арабской весной» и пришли к выводу, что в последующие декады международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Иными словами, мы входим в период поиска новых структурных и системных изменений в рамках Мир-Системы. Мы также пришли к выводу, что бурные события «арабской весны» можно рассматривать как начало глобальной реконфигурации Мир-Системы, которая в итоге приведет к радикальным переменам в ней. Основная причина реконфигурации, как мы показали, связана с заметным отставанием политической составляющей глобализации от ее экономической составляющей, однако это будет достаточно длинный и беспокойный период (Grinin, Korotayev 2010: 173; см. также: Гринин 2009; 2012a; 2012б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2011; 2012a; 2012b; 2016; Grinin *et al.* 2017). Мы также сделали вывод, что среди революционных волн есть такие, которые имеют дополнительные важные мир-системные причины для их возникновения. К подобным волнам, по нашему мнению, и относится «арабская весна» (Гринин 2012a; см. также: Beck 2014). При этом мы основываемся на собственной теории периодического подтягивания политической составляющей Мир-Системы к экономической, от которой ранее она отставала. Такое подтягивание осуществляется, но оказывается сложным и турбулентным. Революции в этом случае являются частью широкого и конфликтного процесса подтягивания политического компонента Мир-Системы к ее экономическому компоненту.

«Арабская весна», следовательно, рассматривается нами как период резких потрясений (еще далеко не завершённый), открывший мир-системный процесс реконфигурации. Она также становится предвестником грядущих серьёзных структурных трансформаций мира (см.: Гринин 2012а; см. также: Он же 2016; Grinin *et al.* 2019).

Мы указывали также, что революционный процесс будущего может быть связан с общими процессами дестабилизации в различных частях Мир-Системы, и в частности в афроевразийской зоне нестабильности, исходя из того, что революционный процесс никогда не происходит изолированно, он всегда есть более или менее важная составляющая более широкого турбулентного процесса.

Итак, политические отношения часто не успевают за экономическим ростом. Между тем быстрое экономическое развитие так или иначе требует своего рода подтягивания политической системы до соответствующего уровня. В противном случае внутренние напряжения и противоречия в обществе усиливаются. И чем сильнее они ощущаются, тем больше вероятность возникновения революционных кризисов. Однако изменению политических и социальных институтов во многих обществах препятствует их жесткость, а также интересы элиты. Такую ситуацию серьёзного разрыва между уровнем технологического и экономического развития, с одной стороны, и отсталостью политической системы – с другой, можно обнаружить во многих обществах в период нарастания революционного кризиса. Отставание одного вектора от другого ведет к появлению разного рода диспропорций, способствующих укреплению оппозиции, росту протестов и революционных идеологий. По мере развития процессов глобализации разрыв между экономическим развитием (глобализацией) и институциональными изменениями на уровне международных отношений и мирового порядка (политической глобализацией) становится заметным в целом в рамках Мир-Системы. И это, по нашему мнению, становится источником внутреннего кризиса в Мир-Системе и значительных изменений в ней.

К 2010-м гг. экономическая и финансовая глобализация существенно продвинулась в своем развитии по сравнению с международным правом и политической глобализацией. Иными словами, в рамках глобализации политический процесс заметно отставал от экономического. Но отставание в развитии одного компонента от другого не может быть бесконечным, и когда разрыв становится

слишком большим, начинается период подтягивания политической составляющей. В этой ситуации развитие экономики должно было замедлиться, что и случилось в результате кризиса 2008 г. Важно понимать, что отставание социального и политического компонентов от экономического и было одной из важнейших причин этого (как и последующего) кризиса (Гринин и др. 2011). Это стало ясно не сразу, однако в связи с другими причинами (в частности, с динамикой длинных кондратьевских циклов [см., например: Grinin L., Grinin A. 2014; Grinin *et al.* 2017]) дало нам основу для прогноза о том, что в следующие 15–20 лет мировая экономика будет развиваться медленнее, чем в предшествующие годы (Grinin, Korotayev 2010: 172–174; см. также: Гринин 2009; 2012б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2012b; 2015; Grinin *et al.* 2016).

В то время как экономические развитие и глобализация будут замедляться, политическая трансформация Мир-Системы усилится. В условиях реконфигурации Мир-Системы «разломы» в ней начинаются в наиболее неустойчивых и слабых местах, причем, как правило, эти районы являются местом противостояния различных интересов и векторов силы. Отсюда можно сделать вывод, что процессы реконфигурации в афразийской макроне нестабильности не могут не продолжаться.

Как уже сказано, мы предположили, что события «арабской весны» с конца 2010 г. начали процесс реконфигурации Мир-Системы. События, произошедшие в последующем на Ближнем и Среднем Востоке, на Украине, а также на Дальнем Востоке (Гринин 2014), все более подтверждали, что реконфигурация Мир-Системы началась и идет довольно активно.

Для настоящего исследования крайне важно, что если процесс реконфигурации Мир-Системы начался в 2010–2011 гг. событиями «арабской весны», и центральные события этой революционной волны происходили на Ближнем и Среднем Востоке, то в процессе третьей революционной волны ситуация существенно изменилась.

Дело в том, что процесс реконфигурации Мир-Системы начиная с 2016 г. стал переходить в ее центр⁴. Он в значительной степе-

⁴ Мы видели и видим неожиданные повороты в Великобритании, которая вышла из Европейского союза, в Испании, например в связи с событиями в Каталонии, во Франции, которую сотрясали протесты «желтых жилетов», в США, начиная с прихода к власти Д. Трампа и до непрекращающихся волнений черно-

ни затронул США и Европу, где в настоящем периоде и происходят, по-видимому, главные события процесса реконфигурации. И это неизбежно, по-разному, но существенно и заметно, будет отражаться на судьбах обществ афразийской макрзоны нестабильности⁵.

В результате главные революционные события третьей революционной волны с 2018 г. происходили в разных местах Мир-Системы, особенно знаковыми стали противостояния в США в 2020 – начале 2021 г. События в афразийской макрзоне нестабильности, следовательно, уже нельзя считать ведущими в третьей революционной волне. Они продолжают процесс реконфигурации Мир-Системы, но уже как часть общемирового революционного процесса.

Подтягивание политической составляющей к экономической в принципе означает переход к новому мировому порядку. Но такой переход будет происходить в течение довольно длительного времени. И важно понимать, что его начальной фазой является ослабление, расшатывание и/или разрушение старого порядка (а формирование нового порядка – это следующая фаза). Следовательно, в отношении ближайшего будущего речь идет о весьма конфликтном, нестабильном и турбулентном периоде, осложненном, как уже сказано, депрессивным экономическим развитием. Любое политическое изменение, которое происходит в национальном или региональном масштабе, даже любое заметное социально-политическое действие, которое ведет к дестабилизации или ее угрозе, тем более революция, в принципе приводят к усилению кризисных явлений

кожего населения и сочувствующих им белых. Все это и другое – элементы указанной реконфигурации. Наконец, коронавирусная пандемия 2020 г. стала полностью глобальным событием, которое продолжает вносить очень серьезный вклад в разрушение старого мирового порядка. И временный отказ от базовых прав граждан, закрытие границ, бесконтрольное использование искусственного интеллекта и т. п. вкпе с экономическими трудностями даст толчок для существенных изменений в дальнейшем. В результате процесс реконфигурации Мир-Системы усилится.

⁵ Исходя из сказанного, можно выделить две взаимосвязанные системы глобальных векторов развития – ослабление центра Мир-Системы, то есть США и Запада, и одновременное усиление позиций целого ряда периферийных и в целом развивающихся стран в мировой экономике и политике. Эти два противоположных вектора, тем не менее, вместе составляют единый процесс, названный нами Великой конвергенцией (Grinin, Korotayev 2014; 2015).

в мире. Как показывают исследования, возможность революций и их победы во многом зависит от того, насколько благоприятен для них международный контекст (см., например: Goldfrank 1979; Goodwin, Skocpol 1989; Wickham-Crowley 1992). Мы полагаем, что в целом процесс реконфигурации Мир-Системы для будущих революций скорее будет благоприятным, чем негативным.

О влиянии революционных событий в афразийской макроне нестабильности на Мир-Систему

Революции или иные проявления нестабильности так или иначе влияют на близких соседей, а нередко и на страны, находящиеся далеко от зоны событий. Так, продолжающаяся гражданская война в Сирии, нестабильность в Ираке и усилившаяся волна беженцев из Афганистана оказались геополитическим оружием и проблемой в отношениях между Белоруссией (также пережившей неудавшуюся революцию в 2020–2021 гг.) и Европой. Как известно, мигранты из этих и других стран пытаются попасть через Белоруссию в Польшу, Литву и оттуда в другие страны ЕС. Наплыв беженцев из Афганистана ощущают, естественно, США, но также и ряд других стран. Проблема беженцев в связи с исламистским террором очень актуальна и болезненна в странах Сахеля и за его пределами в Африке (см.: Гринин 2020а; 2020б; 2020в; 2020г; 2020д). В частности, в зоне террористических атак в странах Сахеля живет 20 млн человек, что создает серьезные гуманитарные проблемы и причины дестабилизации. По данным Секретариата ООН, в Буркина-Фасо с января по ноябрь 2019 г. было совершено 488 террористических атак против 150 в 2018 г., в Нигере – 118 против 69. В 2019 г. в результате террористических операций в Мали погибли 1507 человек, в Буркина-Фасо – 918, в Нигере – 404. Численность перемещенных лиц достигает 1 млн человек (ООН 2019: 2/26; Корендясов 2020). Все это делает данные страны зоной внимания и геополитических интересов крупных стран, включая Китай, США, Россию, Францию и др. Но влияние этого радикализма распространяется и далеко за пределы зоны Макросахеля. Так, сотни тысяч беженцев покинули Кабу-Делгаду, провинцию на северо-востоке Мозамбика, в начале 2021 г. в результате нападения радикалов на город Пальма, в том числе десятки тысяч бежали в соседнюю Танзанию (Фокина 2021; Волков 2021). В городе террористы провели массовые казни.

Основными революциями (наиболее важными событиями), произошедшими после 2018 г., можно считать революции в Судане, Алжире, Мали, Киргизии и особенно победу «Талибана»⁶. Но, как уже сказано, каждое революционное событие вносит свой вклад в раскачивание мирового порядка, и в целом события последних лет в афразийской макроне нестабильности продолжают процесс реконфигурации Мир-Системы в рамках его трансформации. Следует отметить несколько аспектов влияния этих революционных событий на Мир-Систему и ее части.

Во-первых, можно говорить о геополитических последствиях, ослабляющих центр Мир-Системы. В частности, особенно сильно победа талибов в Афганистане ослабила позиции США и их союзников: произошло падение доверия к Соединенным Штатам, которые вновь предали своих сторонников в этой стране. В Афганистане с конца 1970-х гг. наступила длительная полоса революций, гражданских войн, интервенций, фактической децентрализации страны и тому подобных бедствий. Это была даже не революционная эпоха, а существенно более тяжелая в плане бедствий и разрухи эпоха смут и революций, которая, к сожалению, все еще продолжается⁷. Начавшись с революции по типу социальной (с первоначальными претензиями на социалистический тип), она затем превратилась в религиозную. В отношении понятий «революционная эпоха» и «эпоха смут и революций» важно иметь в виду, что революционные события, которые происходят в их ходе, нужно характеризовать как связанные, а революционные события, случившиеся в другие периоды, – как самостоятельные. В этом смысле победа Талибана не является органической частью третьей революционной волны (как и любой другой). Но она придала третьей волне и собы-

⁶ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

⁷ **Революционная эпоха** – длительная полоса перемен, в которой происходят революции, революционные изменения, контрреволюции, различные революционные эпизоды, связанные с борьбой различных политических и социальных сил за политический/социальный курс, власть и пр.

Эпохи смут и революций – период после революций, когда старый порядок исчез, а новый в рамках всей страны не устанавливается; идут бесконечные гражданские войны; надолго теряется централизация, значение центральной власти резко падает, либо страна вовсе распадается на ряд территорий, государств или политий, ни одна из которых не имеет силы, чтобы стать победительницей и объединить страну. Характеристики революционной эпохи и эпохи смут и революций см.: (Grinin L., Grinin A. 2022).

тиям в афразийской макроне очень значимый мир-системный резонанс.

Поражение США в Афганистане, когда режим, который они укрепляли в течение 20 лет, рассыпался, как карточный домик: а) ослабило их влияние на Ближнем и Среднем Востоке и в целом в мире; б) продемонстрировало, что в последние десятилетия США легко предадут своих союзников, которые полагались на них (а в Афганистане таких преданных были миллионы); в) укрепило позиции исламских фундаменталистов не только в Афганистане, но и во всем исламском мире. Это также усилило опасения соседних стран, включая Россию, что теперь через афганскую границу будут проникать различные нежелательные элементы и грузы, осуществляться опасное влияние. Кроме того, усиливается геополитическая борьба крупных держав, включая Китай, за влияние в Афганистане. Наконец, поражение усилило раскол в американском обществе (и даже в демократической партии), а также общий кризис в стране, что, несомненно, скажется и на всем мире. Поражение в Афганистане может некоторое время сдерживать агрессивные стремления американских «ястребов». В самом Афганистане, с одной стороны, конечно, уже начинает происходить культурно-правовой откат в плане роли и положения женщин, светского образования и т. п. Но с другой – возможно, страна обретет определенный покой, насколько это вообще возможно при данном режиме.

Наконец, победа «Талибана» усилила соперничество среди исламских радикальных сил, в частности между остатками ИГИЛ, представляющими крайних радикалов, и талибами как умеренными радикалами. Столкновения между двумя направлениями крайнего радикализма («Аль-Каидой»⁸ и ИГИЛ) происходят в странах Африки уже с 2013 г., особенно усилившись в 2014–2018 гг.

Во-вторых, Ближний и Средний Восток все более оказываются предоставленными самим себе в связи с планируемым и вынужденным уходом оттуда США (и упомянутым поражением в Афганистане), а также ослаблением американской поддержки Израиля, поисками новых векторов во внешней политике, чему способствуют революционные события. Все это ведет к усилению независимости стран Ближнего и Среднего Востока от США⁹. В целом в по-

⁸ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

⁹ Хотя исключить полностью прямое или косвенное влияние США на революционные события, скажем, в Судане, никак нельзя. Американцы активно вы-

следние несколько лет влияние глобальной и региональной геополитики на процессы дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке сильно возросло, а ситуация нестабильности стала принимать перманентный характер. Создавшийся в результате ухода США с Ближнего Востока вакуум внешнего воздействия заполняется другими игроками: Россией, Турцией, Саудовской Аравией, Ираном. Повторим, что этот вакуум повлиял также на революционный процесс и в свою очередь способствует ослаблению позиций США. Мы предполагаем, что этот фактор дестабилизации будет длительным и почти непрерывным.

В-третьих, продолжает оставаться весьма заметным радикальное исламистское влияние в связи как с победой талибов, так и с дальнейшей экспансией оставшихся революционеров-террористов «Исламского государства» в страны Сахеля и далее в другие африканские государства. Любой подъем исламизма может оказать влияние на регионы в Индии и Китае, где мусульмане являются меньшинством и чувствуют себя ущемленными. В Индии живет огромное число мусульман, при этом есть такие пограничные с Пакистаном штаты, как Джамму и Кашмир, где мусульмане являются абсолютным большинством. Это создает очаги нестабильности. В Китае большое количество мусульман проживает в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где западные страны давно мечтают совершить революцию. И она может случиться, если Китай когда-либо ослабит бдительность (подробнее см.: Гринин 2020д).

Но наиболее важным как по силе, так и по продолжительности является влияние радикального исламизма на Африку южнее Сахеля.

Феномен исламского возрождения и повсеместного распространения исламизма сам по себе создает важную основу для дестабилизации, поскольку он порождает в качестве своего крайнего крыла радикализм. В зоне Сахеля и за его пределами исламизм в основном еще неразвит. В результате эти общества оказались, с одной стороны, восприимчивы к радикализму и терроризму, поскольку радикалы из стран Ближнего Востока и Северной Африки достаточно легко вербуют здесь сторонников и добровольцев, а с другой – данные страны (из-за отсутствия опыта, недостаточного уровня развития государственного аппарата, быстро растущего

ступали против бывшего президента Судана О. аль-Башира, вводили против его режима санкции за поддержку террористов, постоянно подстрекали сепаратистов в Южном Судане и Дарфуре против центральной власти.

населения, включая городское, и других причин) во многом оказались беспомощными против террористов. В результате некоторые из них становятся базами для распространения террора. Поэтому ряд стран, как, например, Мали и Нигер, нуждаются во внешней помощи против терроризма. Радикалы активно действуют во многих странах за пределами Сахеля. Так, в 2016 г. (на основе сомалийской «Аш-Шабаб»¹⁰) была создана новая террористическая организация с весьма характерным названием «Исламское государство Сомали, Кении, Танзании и Уганды» (ИГСКТУ), известное как *Jahba East Africa*. Помимо указанных стран Восточной Африки, радикалы действуют в Мозамбике, ДРК и других странах. Таким образом, за пределами Сахеля фактически в результате деятельности радикалов создается африканская зона нестабильности, которая начинает сливаться с афразийской. Первая может и, вероятно, будет существенно расширяться. Зараза террористического революционизма с исламской спецификой быстро распространяется. Отметим один характерный факт. Как указывалось выше, после захвата и сожжения города Пальма десятки тысяч мозамбикцев бежали в Танзанию. Однако премьер-министр Мозамбика Карлуш Агостиньо ду Росариу призвал с осторожностью относиться к беженцам, так как они, по его словам, могут пытаться привлечь рекрутов в ряды ИГ (Фокина 2021). То есть радикализм распространяется и через беженцев.

Таким образом, новая волна революционных событий не просто продолжает процесс реконфигурации Мир-Системы. Если ранее мы отмечали, что такой разлом в связи с «арабской весной» шел в основном на Ближнем и Среднем Востоке, то теперь к нему все активнее присоединяется Тропическая Африка, и не только Сахель, но и страны к югу от него. При этом если Ближний Восток подтягивается к уровню развитых стран (первая линия направлений революции), то в Тропической Африке, где уровень развития значительно ниже, идут процессы, скорее напоминающие Реформацию или, по крайней мере, Исламское возрождение 50-летней давности. Но, так или иначе, революционные события выводят многие (особенно находящиеся на периферии) страны из изоляции.

Отметим также, что рост опасности исламского революционно-террористического радикализма ставит задачу укрепления государ-

¹⁰ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

ственности в странах Тропической Африки (которая кое-где начинает решаться), а также требует более активной и массивной помощи со стороны развитых стран. Мир нуждается в африканских полезных ископаемых, однако террористическая опасность сдерживает их развитие (как, впрочем, и в Афганистане). Так, нападение на указанный город Пальма в Мозамбике, по видимости, имело главной целью помешать строительству завода СПГ и развитию проекта Mozambique LNG, на который делает серьезную ставку правительство страны. Месторождения газа были обнаружены на шельфе и в бассейне рек Ровума и Мозамбик в 2011 г., и это привлекло в страну ведущие добывающие и сервисные компании, среди которых Total, ExxonMobil, Mitsui, Oil India и др. (Волков 2021).

Завершая статью, скажем, что Тропическая Африка (особенно с исламским населением) надолго станет весьма беспокойной территорией. Более того, мы прогнозируем, что эта зона нестабильности в Африке будет разрастаться, захватывая все новые страны. Африка, как можно предполагать, станет самой оживленной зоной Мир-Системы. Это связано с тем, что по мере развития общества и перехода к более зрелым отношениям в нем появляются идеология, социальные, национальные и политические силы и условия для определенных процессов, которые могут одновременно оказывать дестабилизирующее воздействие. Имеются в виду следующие факторы: стремление к национальному государству, демократии и социальной справедливости, желание элит получить определенные блага и власть, борьба за ресурсы и привилегии, усиление противоречий между регионами страны и мн. др. Все это может привести к внутренней конфронтации и в итоге к возможной дестабилизации. В странах Сахеля, ряде государств Ближнего и Среднего Востока, а также в приграничных с африканской макрозоной нестабильности странах продолжается модернизация. В результате в этих обществах во всех сферах производства и жизни формируется все более сложный конгломерат современного и архаичного. Черты архаики будут, конечно, уходить, но в течение долгого времени. При быстрой модернизации возникает жесткий конфликт передового и архаичного, что само по себе является источником нестабильности. В то же время это ускорит деятельность по укреплению государственности, порядка и необходимого законодательства в африканских странах, поэтому внимание к данному континенту будет повышаться.

Литература

Волков, К. 2021. В Мозамбике террористы захватили город, 35 тысяч человек стали беженцами. URL: <https://rg.ru/2021/03/29/v-mozambique-terroristy-zahvatili-gorod-35-tysiach-chelovek-stali-bezhencami.html>.

Гринин, Л. Е.

2009. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.

2012а. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник: ежегодник*. Т. 3. *Арабская весна 2011 года*. М.: ЛКИ/URSS. С. 188–223.

2012б. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.

2014. Риски модернизации и нестабильности в Афроевразии: история и современность. В: Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р., Гринин, Л. Е. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 5. Волгоград: Учитель. С. 95–127.

2016. Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС: Предварительные результаты*. М: КРАСАНД. С. 246–276.

2020а. Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 694–724.

2020б. Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 666–693.

2020в. Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 181–199.

2020г. Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. В: Гринин, Л. Е., Корота-

ев, А. В., Быканова, Д. А. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 829–853.

2020д. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 810–828.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020. Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Цирель, С. В. 2011. *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.

Корендясов, Е. Н. 2020. Сахель: джихадисты вновь наступают. Что делать? URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/sahely-dzhihadistivno-vy-nastupayut-chto-delaty>.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Исаев, Л. М., Билюга, С. Э., Шишкина, А. Р., Иванов, Е. А., Мещерина, К. В., Слинько, Е. В., Шульгин, С. Г., Медведев, И. А., Романов, Д. М. 2021. *Социально-политическая дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности: Количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: ЛЕНАНД/URSS. 728 с.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Руденко, М. А. 2015. Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток* 2: 88–99.

Коротаев, А. В., Ликумович, Я. Б., Хохлова, А. А. 2021. Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макрзоне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 329–370.

ООН 2019. Совет Безопасности. Семьдесят четвертый год. Предварительный отчет. 8670-е заседание. Среда, 20 ноября 2019 г., 15 ч. 30 мин. Нью-Йорк. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.8670>.

Фокина, А. 2021. Африканский халифат. Как «Исламское государство» стало франшизой и почему окончательно победить террористов не удастся? URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/09/isis_africa/.

Beck, C. J. 2014. Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory and Society* 43: 197–223.

Filin, N., Fahmy, S., Koklikov, V. 2022. Two Experiences of the Islamic “Revival”: The 1979 Islamic Revolution in Iran and the Formation of the Islamic State in Syria and Iraq in the 2010s. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotaev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves*

of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer. Pp. 465–482.

Goldfrank, W. L. 1979. Theories of Revolution and Revolution without Theory: The Case of Mexico. *Theory and Society* 7: 135–165.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 1–36.

Goodwin, J., Skocpol, T. 1989. Explaining Revolutions in the Contemporary Third World. *Politics & Society* 17(4): 489–507.

Grinin, L. E. 2010. Which Global Transformations would the Global Crisis Lead to? *Age of Globalization* 2: 31–52.

Grinin, L., Grinin, A. 2014. The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution. In Grinin, L., Devezas, T., Korotayev, A. (eds.), *Kondratieff Waves, Juglar – Kuznets – Kondratiev: Yearbook*. Volgograd: “Uchitel” Publishing House. Pp. 354–378.

Grinin, L., Grinin, A. 2022. Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 315–388.

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A. 2017. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing. *Technological Forecasting & Social Change* 115: 52–68.

Grinin, L., Korotayev, A. 2010. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.

Grinin, L., Korotayev, A. 2011. The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.

Grinin, L., Korotayev, A. 2012a. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V. 2012b. The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Global Scenarios. In Grinin, L. E., Ilyin, I. V., Korotayev, A. V. (eds.), *Globalistics and Globalization Studies*. Volgograd: Uchitel. Pp. 366–393.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V. 2014. Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.

Grinin, L., Korotayev, A. 2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Cham: Springer. 263 pp.

Grinin, L., Korotayev, A. 2016. MENA Region and the Possible Beginning of World System Reconfiguration. In Erdogdu, M. M., Christiansen, B. (eds.), *Comparative Political and Economic Perspectives on the MENA Region*. Hershey, PA: Information Science Reference. Pp. 28–58.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V., Tausch, A. 2016. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer. 283 pp.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. N. p.: Springer. 364 pp.

Ivanov, E. 2022. Revolutions in Kyrgyzstan. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 517–547.

Korotayev, A., Shishkina, A., Khokhlova, A. 2022. Global Echo of the Arab Spring. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 813–850.

Wickham-Crowley, T. 1992. *Guerrillas and Revolution in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 454 pp.